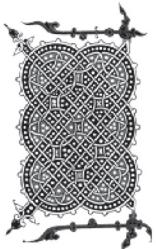

© 2023 протоиерей Дмитрий Гоцкалюк
Симферополь, Россия

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА СВЯТИТЕЛЯ ДМИТРИЯ (АБАШИДЗЕ) В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена известному деятелю Русской Православной Церкви XX в., ныне прославленному, святителю Димитрию (Абашидзе). Речь идет о некоторых особенностях его личности, духовных качествах, позволявших ему действовать в качестве архиерея, в значительной степени свободно и плодотворно для Церкви и паствы, а также избегать опасностей и искушений сложного времени накануне революции 1917 г. и после нее. Эти личностные качества, противоположные законничеству и фарисейству, мы объединяя в одно целое под именем «духовная искренность». В статье показано, что благодаря духовной искренности – евангельскому образцу и идеалу – святитель Димитрий на всех ступенях архиерейского служения достигал поразительных результатов в объединении паствы на основе строгого церковного служения, в разрешении труднейших национальных проблем в разное время, в успешном выполнении миссии, в исторической востребованности, в том, что он смог послужить Церкви и стране в самые тяжелые по своим испытаниям годы.

Ключевые слова: святитель Димитрий (Абашидзе), личность архипастыря, духовная и нравственная искренность, предреволюционное и революционное время.

Ссылка при цитировании: Протоиерей Дмитрий Гоцкалюк. Личностные качества святителя Димитрия (Абашидзе) в контексте времени предреволюционной и революционной России // Традиции и современность. 2023. № 35. С. 11–20

Протоиерей Дмитрий Гоцкалюк (Dimitry Gozkalyuk) – аспирант Общеперковной аспирантуры и докторанттуры имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (ОЦАД, г. Москва), и.о. ректора Таврической духовной семинарии Симферопольской и Крымской епархии Русской Православной Церкви, эл. почта: gotdd@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 35. С. 11–20

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК – 94(470+571)"19"; ББК – 63.3(2)52; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-35/11-20>

Святитель Димитрий (Абашидзе, 1867–1942) жил в нелегкое время, трагическое для Русской Православной Церкви и России. Во многом остается загадкой его своего рода неуязвимость перед грозными событиями, опасностями и труднейшими обстоятельствами жизни. Его личный жизненный путь был тесно связан с историческим путем Церкви и страны в их трагические, судьбоносные и тяжелые годы, для многих церковных людей гибельные. Однако, находясь в гуще этих событий, святитель не раз оставался целым и невредимым, он словно по воде прошел грозные бушующие волны моря житейского и не убоялся их, не потонул в них. И в этом состоит одна из больших загадок его биографии. Создается впечатление, что он нарочито не боялся большой истории, шел навстречу ее событиям, имея против ее силы особую силу духа, которая и позволяла ему находиться на гребне истории, не погибнуть от опасностей. Статья обращена к тематической области исторической антропологии, вопросу встречи выдающей церковной личности и Большой истории, влиянию этой личности на исторический процесс и подчинению исторической стихии интересам Церкви и страны. С нашей точки зрения, речь идет об исповедании святителем *евангельской аскетики*, духовной искренности «во Христе», позволяющей ему действовать одновременно смиленно и дерзновенно, открыто и в подлинно христианском духе. Такой подход дает возможность видеть на отдельном примере, как формируется изнутри история страны, история Церкви и какую роль играет в этой истории «евангельская аскетика». Последняя условно обозначается нами как практическое поведение, согласованное с поведением евангельских святых лиц: Господа Иисуса Христа, апостолов, всех тяготеющих к христовой истине в евангельском тексте, то есть в конкретной жизненной реальности. Главным же для себя, как будет раскрыто в статье, святитель Димитрий считал духовную искренность, суть которой Сам Спаситель не раз обозначал на страницах Евангелия: это и выполнение воли Отца Небесного, это и знание того, что воля Божья является истинной и всеблагой. Это служение «до креста», до крестных мук и смерти, но и до Воскресения и спасения в вечности. Это знание особого рода, в котором есть и великая мудрость «не от века сего», и детская природа живой и естественной, неискаженной непосредственности. Духовная искренность для святителя Димитрия не была догмой, выполнением каких-то внешних фарисейских ритуалов, но это была труднейшая работа по сохранению и преумножению божественной искры в душе. Это был труд, сопряженный с трудом других людей, его духовных учителей, его паствы, всей Церкви, которой святитель отдавал все свои силы.

Святитель Димитрий (Абашидзе), ныне прославленный Церковью как местночтимый святой, в имеющихся жизнеописаниях предстает как яркая церковная личность с очень определенной, ясной программой жизненного поведения, с тем, что принято называть Божиим избранничеством с младенческих лет. Биография святителя Димитрия (Абашидзе) в значительной степени известна, она опубликована в ряде научных и научно-популярных работ (Маруцак 2006; Рылкова 2008; Митрополит Владимир 2003; Пученков, Калиновский 2020). Но малоизвестными до сих пор являются его детский период духовного формирования, роль родителей и окружения, пути формирования решения о церковном служении. Среди имеющихся источников первейшими для нашей темы следует считать проповеди, возвзвания к пастве, слова, сказанные по определенным случаям. Во всех этих материалах присутствует личностная интонация, то самое важное, что и позволяет нам судить об искренности веры святителя. Конечно, чтобы увидеть круг миссионерских забот, гомилетического материала мало, необходимо знакомство с архиерейскими отчетами, отправляемыми в Св. Синод (а это неопубликованный архивный материал), а также выявление опубликованных текстов в местной церковной периодике. Сложнее обстоит дело с поисками источников по вопросу богословской образованности святителя. Здесь приходится опираться на разного рода резолюции на консисторской документации, также архивной по происхождению. Я думаю, для многих исследователей здесь камнем преткновения оказался малочитаемый почерк святителя, требующий особого навыка прочтения. Тем не менее именно отсюда можно почерпнуть всю необходимую нам информацию, позволяющую видеть стиль работы архиерея, неформальный, рассчитанный на понимание того, что за все придется давать ответ Богу.

Итак, первый вопрос, который требует рассмотрения, это вопрос о духовной и нравственной искренности архипастыря. Детская вера называется в Евангелии святой верой, поэтому верить, как верят дети – искренне, живо, непосредственно, даже самозабвенно, – могут только люди, сохранившие и духовно воспитавшие в себе «детское начало». Эта нравственная добродетель противоположна тому, что в Евангелии обозначено как фарисейство, лицемерие, следование букве, а не духу закона. Для многих современников святителя Димитрия было очевидно, что он ориентировался на евангельского Христа как на первообраз, как на подлинный идеал для христианина. Кто-то может сказать, что за искренностью святителя стояла лишь «психологическая черта», может быть даже национальная, ведь из-за грузинского происхождения он был че-

ловеком горячим, открытым, непосредственным в поступках. Но это будет верным лишь отчасти, «детская вера» в значительной степени не дается, а воспитывается духовно-культурными и аскетическими средствами, она культивируется в процессе особого жизненного опыта, который делает человека (и народ) все более открытым и бескорыстным, а не наоборот. Это крайне редкая добродетель, которая хотя и присутствует в человеке «с младых ногтей», но у немногих людей сохраняется в непогрешимости и чистоте до конца жизни, а тем более существует в развитом виде. Святитель Димитрий был из числа таких редких натуры.

Природа искренности святителя, как нам кажется, имеет евангельскую основу. Отсюда был взят, в подражание Христу, в следовании Его слову, ключ отношения к ученикам, к пастве. Христиане, которых архипастырю Димитрию пришлось окормлять, – это не рабы, а, по слову Христа, «друзья»: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам, все что слышал от Отца Моего» (Ин. 15: 15). Святитель Димитрий также помешает всех, кого ему должно опекать – хранить и научать, в группу «друзей Божьих», потому что только с «друзьями» возможны такие сердечные, доверительные отношения. С «друзьями» святитель был предельно искренен, открыт, «разъяснял им притчи», особым образом заботился о них. Его искренность, антифарисейство касаются его паствы. Ко всем остальным – маловерующим, нецерковным людям, иноверцам, всем как-либо отдаленным от Церкви – отношение другое. От этого мы и будем отталкиваться в понимании данной черты святителя. Вот почему его искренность так резко проявлялась в моменты прощаний (при перемещениях святителя); и прощальные проповеди, как и описания поведения паствы, доносят до нас эту яркую характеристику натуры подвижника.

Кроме того, за искренностью владыки всегда стояла широта понимания задач как церковных, так и государственных и цивилизационных. Он не боялся в родной Грузии быть искренним имперцем, искренним служителем «русского дела» только потому, что оно имело церковный подтекст, служило делу укрепления Православия, защищало общее начало для всего православного мира. Ради этого святитель готов был и пострадать, и понести от своих близких отвержение, чтобы сохранить в неприкосновенности то, что считал более важным. Здесь же, в Грузии, он не боялся помогать православным осетинам устраивать их православную жизнь, вопреки мусульманскому противодействию (со стороны грузин-мусульман), хотя в другом случае, служа в Тавриде, он занимает более мягкую позицию по

отношению к мусульманам. Грузинские националисты за его открыто выражаемую «про-русскость» восстали на него и заставили-таки покинуть Родину, но осетины со слезами провожали его на новое место служения, в западный регион империи, как героя и подвижника. Сколько в этих проводах живой непосредственности! «В 3 часа, сопровождаемый почетным конвоем из осетин и воспитанников, о. Архимандрит выехал из семинарии. Провожать его на станции Дарг-Кох поехали все учащие и почти все учащиеся. До прихода поезда оставалось более часа. Все прибывшие собрались вокруг о. Архимандрита в зал 2-го класса. Воспитанники начали петь – «Христос воскресе» на греческом, славянском, осетинском, грузинском и японском языках, «многая лета», «Боже, Царя храни», «Славься, славься», пасхальные стихиры и ирмосы. У дверей и на платформе столпились привлеченные пением служащие и пассажиры. В промежутках между пением среди всеобщего оживления произнесли свои речи еще два воспитанника. Дали звонок о подходе поезда, и все пожалели, что так быстро прошло время. Прощааясь по пути с подходившими, о. Архимандрит направился в вагон; провожавшие более 100 человек собрались у окна вагона и опять дружно запели – «Христос воскресе», «Многая лета», «Боже, Царя храни», возбуждая любопытство и одобрение пассажиров. Многие из корпорации и учащихся сели в поезд провожать о. Архимандрита до следующей станции. Раздался третий звонок, и поезд медленно тронулся. О. Архимандрит перекрестился и благословил оставшихся своих питомцев, те же, видя в отъезжавшем уже архипастыря, ответили на благословение единодушным, громогласным – «ис полла ети, деспота!». Прокатились последние вагоны, и мы отправились, несмотря на внешнюю возбужденность, с некоторой тоской в сердце обратно в осиротевшую семинарию. И вправду, наша семья лишилась близкого каждому, любвеобильного и отзывчивого человека. Помоги ему Бог на новом его по-прище!» (Архимандрит Димитрий 1900). Это были поистине народные проводы, осетины клялись, что никогда не забудут того добра, что сделал для осетинского народа архимандрит Димитрий, будучи ректором Александровской духовной семинарии.

На Балтской кафедре владыка служил викарным епископом всего два года, с 1905 по 1906 г., казалось бы, совсем мало, но и отсюда он уезжал по послушанию на новое назначение с великой болью от расставания. За короткий срок он стал своим, любимым и ценимым человеком, в первую очередь для простых людей. Епархиальный летописец подчеркнул в своем очерке, посвященном прощанию, важнейшие черты в облике владыки, которые указывали на его духовную и открытую натуру. В

очерке говорится: «Ни одна праздничная служба в Свято-Троицком монастыре не проходила без воодушевленного искреннего архипастырского слова. Любли граждане послушать Владыку-проповедника и до тесноты каждый праздник наполняли немалый по объему Свято-Троицкий храм». Слово архипастыря всегда было «откликом на волнующие всех всероссийские события и явления местной жизни. Искренность и горячность чувства, до наглядности выступавшие в речи проповедника, ясно говорили, что он сам глубоко носит в сердце все жизненные российские треволнения, болеет о них, – и все это передавалось слушателям и до неотразимости действовало на них». Для простых людей важна была его «общедоступность», «редкая приветливость к посетителям», «простота в обращении», «все взаимные беседы отличались характером искренности, без тени давящей стесненности» (Прощание 1906). Перемещение на новую кафедру владыка рассматривал, как и в первоапостольские времена, как новую миссионерскую поездку. Сразу включался в дело, сразу начинал действовать как бы среди своих близких единомышленников. Так было и на следующей, Туркестанской, кафедре, где владыка Димитрий пробыл с 1906 по 1912 г. Что было самым дорогим для паствы в этом общении с владыкой? Как сами люди говорили: «доверие», «робкие посещения» архипастыря со скромными дарами, «простота и скромность» паствы, отвечающей его духу «застенчивости», ее ревность и искренность. Владыка отвечал искренно на эту искренность: «С каким дорогим для меня доверием вы обращались ко мне за советом и наставлением во всех скорбях и радостях, вас постигавших. Как трогательны бывали для меня робкие посещения некоторых из вас, в особенности в первые годы служения моего в Верном, когда вы, желая поделиться со своим епископом первыми плодами ваших садов и пасек, являлись ко мне и приносили в платочках и узелках свои дары» (Маруцак 2006: 73). Владыка благодарен верующим за искренность, детскую простоту, совестливость: «Как освежала душу мою эта простота, как она согревала мое сердце и сродняла с вами, сколько бодрости и сил придавала мне, немощному, подобная близость к вам: сильно страдая от юности своей так называемой застенчивостью, я всегда пленялся простотой и скромностью, давно уже, к сожалению, отлетевшей от жителей больших городов и почти исключительно витающей среди отдаленных от главных центров людского обожжения маленьких городов и сел, ближе стоящих к природе» (Маруцак 2006: 73). Он благодарит людей за то, что высоко чтили, как и должно почитать, пастыря: «Высыпая далеко за село, иногда за десятки верст, своих представителей, вы, все остальные, с пением

святых молитв коленопреклоненно встречали меня то около своих родных храмов, то при въезде в село и благоговейно принимали Божие благословение» (Маруцак 2006: 74). Для самого архиерея подобные народные встречи и народные проводы также имели немаловажное значение, они настраивали его на сердечное отношение к людям, доставляли ему радость как награду за его труды. Народное благочестие, идущее от чистого сердца, опиралось на понимание архипастыря как Самого Христа, как одного из Его учеников-апостолов. Отсюда такое горячее желание почтить его особым образом: и почетными представителями, и коленопреклонением, и «умилительным пением». И все это, как замечает сам владыка, делалось в простоте сердца, то есть в полной искренности.

Люди видели искреннюю молитву владыки за богослужением: за живых и усопших, за царя, «власти и воинство». По-народному провожает владыка в последний путь при отпевании дорогого ему архиепископа Курского Стефана. Владыка Димитрий говорит проникновенную речь, как будто плакальщица из народа, в обрядовом плаче прощается с покойником: «Высокопреосвященнейший Владыко, дорогой отец мой духовный. Второй день, как я в городе Курске, куда ты усердно приглашал меня так недавно, живу в твоем архиерейском доме, удостоился принять участие в совершении Божественной Литургии, а тебя все же не вижу, не слышу твоих, исполненных христианской мудрости, бесед... Лежишь ты пред нами, надгробными пеленами покрытый, «молчалив и безгласен», «Уста твои упразднишася, язык преста, зрак изменися, они угасста» (стих. гл. 3). Как больно, как тяжело сердцу, любящему тебя, переживать эти мгновения, видеть твой гроб, собираясь опустить навсегда в землю твое тело» (Слово Преосвященного Димитрия 1914). Искренность подлинного христианина, искренность, выраженная по-народному, и делала его своим для паствы, для народа.

В духовной искренности, благодаря которой у людей возникало доверие к пастырю и его слово оказывалось не праздным, но доходящим до сердец, просвещавшим душу, мы можем наблюдать самый короткий и самый надежный путь пастыря к своей пастве. Следует учесть, что на дворе было предреволюционное время, когда многие христиане разуверились в высоких помыслах, и чтобы вернуть для них пастырское доверие, надо было быть или великим подвижником, аскетом, старцем или жить в подобной евангельской простоте. Так жил святой праведный Иоанн Кронштадтский, бывший для святителя Димитрия примером служения подвижника в миру.

Владыка Димитрий понимал силу искреннего слова, особенно когда обращение к пастве требовало остановить какое-то набирающее силу зло. И его

искреннее слово действительно оказывало колоссальное воздействие на людей. Приведем один такой случай. В начальный период Отечественной войны 1914 г. в Крыму нарастала тревожная атмосфера, вызванная негативным отношением к немецким колонистам, живущим здесь. Крымский губернатор сразу же обратился к таврическому архиерею за помощью. Губернатор особо опасался за судьбу богатых немецких земельных собственников. Владыка Димитрий подготовил обращение к пастве. Текст («циркулярный листок») был разослан по храмам и монастырям для пастырских возвзваний от лица главы Таврической епархии. Из газет по каким-то причинам обращение опубликовала только Одесская новостная газета. В этом слове от 21 августа 1914 г. звучит евангельская тема «бодрого духа» и «немощной плоти», тема молитвы, помогающей избежать искушений. Отталкиваясь от мысли «не советоваться с плотью», следовать велению духа, святитель говорит, что патриотизм, который исповедовали в начале войны все слои общества, – это следование велению духа. Позже у некоторых людей, склонявшихся к плотской жизни, появился «плотский взгляд» на войну и на жизнь внутри России, в связи с чем стало возможным расстроиться сердцу народному, рассеяться единодушию и ослабеть силам. Святитель говорит, что он, в числе прочих церковных лиц, видит свою ответственность за «движения золотого сердца русского народа», за то, чтобы в сердце, «избранное Христом Богом для Себя в жилище», не впопл гад враждебности. Свою задачу святитель видит в том, чтобы «неустанно учить народное сердце хранить любовь и единодушие. Вражда к российским немцам – это вражда против Отечества, измена Отечеству, и люди, изменяющие ему, – Иуды, Христопродацы». Далее владыка говорит об одинаковой любви Бога ко всем народам, как и об одинаковой любви Российского царя ко всем народам.

Свое единство в истории народы России доказали общей борьбой за свободу и независимость страны. Немцы и татары «боевой славой покрывали себя», и немало «славных героев и полководцев из среды своей давали России». В мирное время немцы в России «честно относились к своим занятиям», «бывали всегда предупредительны, не только не отказывались, но охотно приходили на помощь разным отечественным учреждениям и с любовью вносили свои большие жертвы на все общественные русские нужды». Владыка объясняет такое глубокое патриотическое чувство нерусских людей тем, что «любовь к Отечеству гораздо выше, гораздо сильнее, чем единство племени и единство языка». Последняя часть циркулярного письма, как и его начало, полна внутреннего накала, владыка грозит нарушителям братской заповеди тяжелой

расплатой: «Сохрани, Господи, чтобы кто-нибудь из нас, Православных, дерзнул в эти дни, когда свершается Суд Божий, когда на полях брани проливается за нас мученическая кровь наших братьев, самоотверженных героев-воинов, нарушить заповедь Христову по отношению к кому бы то ни было из наших соотечественников». Владыка подчеркивает, что «грех даже одного» может привести к непоправимому несчастью: «на нас обрушится гнев Божий» (ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5400. Л. 10–13). Как видим, искреннее архипастырское слово произносится «со властью», то есть подразумевается, что сила духа, демонстрируемая владыкой, такова, что всем очевидны истинный характер этого слова и грозная его сила. В этом контексте искренность действует как пророческая сила, как сила молнии, идущей с небес. Таким образом, у искренности была и пророческая стезя, особая форма выражения воли Божьей.

Стоит заметить, что подобная искренность, высказанная так ревностно, не всегда и не у всех находила горячую поддержку. Тем более, что вопрос о патриотизме, об отношении к немцам в период войны был среди политиков удобным поводом для манипуляции «мнением народа», причем как со стороны консерваторов, так и со стороны либералов. Первых не устраивала в позиции владыки его, как они считали, германофильство. Вторых волновала судьба крупного немецкого землевладения в Крыму, которое, якобы, такой позицией защищалось. Сложность позиции иерарха состояла еще и в том, что сама власть в этот период, с одной стороны, поощряла антинемецкие настроения в обществе, а с другой, в лице того же Таврического губернатора, боролась с их возможными последствиями. Владыка Димитрий не выбирал, с кем ему быть, с правыми или либералами, он энергично, искренне и со властью действовал в конкретной ситуации для предотвращения антинемецких погромов внутри страны. Там же, где шла война и действовали немцы-агрессоры, он был на стороне армии, как он сам писал в это время: «Я стал бы во главе манифестации и громче других, на всех перекрестках, кричал бы: «Да здравствует Россия и ее непобедимая армия!.. Долой подлую Германию и коварную Австрию! Долой!»» (Пученков, Калиновский 2020: 67).

Нам не понять многих поступков святителя, если мы не будем руководствоваться, как и он, не выгодой момента, не условиями времени и не соблюдением правил светского общества или даже современными условиями межконфессионального мира, а некими вечными константами: заповедями Божьими, евангельскими истинами. Это значит, что он готов был бороться не за любой мир. Например, в мирное время, когда существовал свой порядок жизни, когда для Церкви главными были богослужебная жизнь и выполнение апостольской миссии,

такой мир-компромисс с инославными был для него недопустим. И тут его евангельская ревностная искренность проявляла себя весьма красноречиво.

Революционные события начала ХХ в. в России затронули в какой-то мере и национальную среду. В отдельных регионах России, в том числе в Крыму, населенном многими народами, появились своего рода сепаратистские конфессиональные настроения. Господство Русской Православной Церкви перестало устраивать мусульман, представленных здесь главным образом крымскими татарами, и начался тихий ползучий процесс демонстрации своей значимости. Как известно, царский указ 17 октября 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» подразумевал «свободное отправление богослужений и сохранение родного исповедания», но при сохранении приоритета Православия в государстве. Соответственно, нельзя не видеть в действиях крымских мусульман (о чем пойдет речь ниже) желания логического продолжения начатой в 1905 г. государственной политики по отношению к иным конфессиям. Для святителя Димитрия эти попытки выровнять правовой статус православных и мусульман в Крыму были категорически неприемлемыми. Так, он становится свидетелем того, что во время торжественных государственных событий, с участием Церкви и приглашением иных конфессий, мусульманские муллы не просто присутствуют на мероприятии, но начинают молебное пение в тот момент, когда православный архиерей начинает служить торжественный праздничный молебен. Владыка обратился с письмом к Таврическому губернатору, где выражал протест, указывая на неоднократный характер данных случаев. Владыка называет эти действия мусульманского духовенства провокационными, «подрывающими в глазах народа простор православной веры», заставляющими людей думать, что без мусульманского богослужения обойтись нельзя, «оно как бы должно закрепить молитвы православных». Прежние случаи – неопротестованные заявления – владыка объяснял проявлением терпения со своей стороны, желанием, чтобы представители мусульман одумались и не шли на конфликт. Данное обращение датируется 16 марта 1913 г. В этом же документе владыка ставит перед губернатором вопрос о духовном вреде участившейся практики посещения православными (очевидно, чиновниками) богохулью иноверцев и предупреждает, что будет наказывать таковых, используя данное ему право отлучать от таинства причащения (ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 4450. Л. 1–2). Эта озабоченность архиерея, высказанная горячо и искренне, была доведена до сведения всех городских глав Крымского полуострова. Консистория, по его распоряжению, отправила всем руководителям

обращение по поводу практики незаконных мусульманских богослужений. И ситуация нормализовалась.

Другой случай, также затрагивающий вопрос о месте Православной Церкви в современном обществе, произошел в 1913 г. Он касался дарения одного иудея в пользу православного храма. В Таврическую епархию было направлено прошение от иудея Хайма Иосифовича Черницкого с просьбой принять в дар церковный колокол; приурочивалось это подношение к 300-летию царствования Дома Романовых. Колокол предназначался для Успенской церкви села Балнак Мелитопольского у. Епископ Димитрий принял непростое решение отказать в принятии дара и отправил в Консисторию на рассмотрение обоснование причин своего отказа. Владыка опирался на 46 апостольское правило и 37 положение Лаодикийского собора, которые запрещают принимать дары от иудеев. Владыку особенно задело, что еще до принятия им решения по городу пополз слух о таком необычном даре и один из приходских священников в Симферополе пожелал в проповеди «воспеть в церковном слове» человека, принесшего этот дар. Задело то, что среди духовенства существует непонимание важности соблюдения церковных канонов. Разгорались споры, потому что нашелся другой священник, вступивший в полемику с дарителем, опираясь на святоотеческие позиции. Вступил в спор и сам даритель, он заговорил о разных традициях и в этих словах, в интонации обнаружил негативное отношение к христианам: «Нам иудеям нельзя принимать даров от христиан, для нас это бесчестье, а христиане не смеют отказываться от иудейских подношений» (ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6430. Л. 51–51 об.). Владыка аргументировало объяснил причину отказа, о чем дарителю было сообщено через Балнаковское Сельское Правление. А ведь в эти годы в высшем обществе, в основном среди чиновников, и даже среди православного епископата, существовала своего рода мода на «крещение евреев», такие случаи получали огласку, о них писали, нередко крестными выступали представители администрации города. У чиновников это была своего рода игра в популярность, за которой нередко стояло фарисейское лицемерие. Поступок епископа Димитрия не подстраивался под общественное мнение, под мнимое миссионерство, владыка руководствовался святоотеческими нормами и ничем другим. Поэтому, кроме его искреннего желания отстоять чистоту церковного бытия, здесь не было ничего, что могло бы бросить на него тень.

Сочетание горячей искренности в вере (по образу апостола Петра) с глубоко усвоенными богословскими знаниями, святоотеческим учением Церкви позволяло святителю Димитрию в самых

сложных решениях руководствоваться этими взаимопримиряющими инструментами. Примеров тому множество. Зная это его качество, к епископу однажды обратился саратовский владыка Гермоген с просьбой дать богословскую оценку одному факту. К Гермогену обратились почитатели новопредставленной актрисы Комиссаржевской с просьбой совершить по ней панихиду. Владыка Димитрий телеграфировал в ответ саратовскому архиерею, что он не находит причин к тому, чтобы запретить служить панихиду. Актриса была отпета (Памяти В. Ф. Комиссаржевской 1910). Многие резолюции, сделанные рукой святителя Димитрия на консistorских документах, отличает основательность. Не просто «согласен», «разрешить», а со ссылками на решения церковных соборов (правила), на мнения святых отцов, церковные постановления новейшего времени.

В жизни святителя было немало случаев, когда глубокая евангельская искренность спасала его от смерти. Как писал известный французский мыслитель Мишель Монтень, одна и та же цель может быть достигнута разными путями. Скажем, спасение человека от смерти, когда ему грозит казнь. Монтень говорил, что можно получить прощение от судей через смиление, а можно через смелость и благородство (Монтень 1979). В такой опасной ситуации святитель оказался, когда в 1919 г. остался в Крыму, не пожелав покинуть страну вместе с белыми (Доненко 2018: 118). А ведь выполняя важную церковную миссию в Белой Армии, он понимал, что большевики не простят ему этого. С приходом красных владыке грозил неминуемый расстрел. Но его не тронули, ограничившись угрозами. Конечно, за его искренностью стояло многое: незапятнанность кровью, простота, глубокая вера, молитва, подвижничество, близость Богу, а также то, что его компетенция в годы Белой власти ограничивалась сугубо церковной сферой.

Разберем и другой случай, яркий, выходящий за рамки обычной церковной практики. Речь идет об участии владыки в годы Первой мировой войны в военных действиях в должности военно-морского священника. В 1915 г. владыка подал прошение в Священный Синод о том, чтобы, не увольняясь на покой, отправиться на служение на военный корабль в качестве действующего священника. Сам святитель объяснял свой поступок «велением сердца послужить Богу и людям на поле брани» (Марущак 2006: 118). Многие архиереи не поддержали его, но владыка нашел сочувствие в лице императора, который понял его именно как человека, давно лично с ним знакомый. Несомненно, что главным мотивом в позиции таврического архиерея был искренне выраженный патриотический порыв. При-

чем, как нам думается, им двигал не гражданский патриотизм, а народный, славянофильский, который святитель понимал церковно, как священное народное дело по защите Православной Церкви и Земли русской. Желание быть на переднем крае с народом, ведущим священную войну, было главным мотивом владыки Димитрия. Его искренность была духовной, а не неким самовнушением, идейным желанием или умствованием. Она подразумевала личное участие в событиях, имеющих для страны, народа и всего мира огромное значение. Только так оценивая происходящее, святитель мог ставить вопрос о своем участии в боевых действиях в качестве военного священника, не считаясь с формальными препятствиями. А они были серьезны (Пученков, Калиновский 2020: 30–31). И если бы не царь, ничего бы не получилось. Сам государь почти в это же время жаждет совершить такой же неординарный поступок – возглавить армию и остановить процесс ее отступления. Святитель Димитрий находился на военной службе с мая 1915 по апрель 1916 г., а император стал главнокомандующим с сентября 1915 г. Как знать, может быть, на него повлияли (во всяком случае, стали критической точкой) поступки епископа Трифона (Туркестанова) и архиепископа Димитрия (Абашидзе)¹. Вполне возможно, что это так, если учитывать роль императора в назначении святителя Димитрия. Одно несомненно: в этих поступках содержится гораздо большее, чем просто pragmatism и некая земная правда, в них очевидны и дальние духовные намерения – укрепление духа воюющих, сплочение их, освобождение войска от революционной пропаганды и революционного духа и, что особенно важно, личный вклад в решение «Восточного вопроса», как его мыслил Н. Я. Данилевский. О последнем свидетельствует горячее желание владыки отслужить благодарственный молебен на части освобожденной территории бывшей Византийской империи, которое он сумел осуществить. После чего вернулся в Симферополь к управлению епархией.

Православный русский народ для святителя Димитрия был народом, несущим важную историческую и церковную миссию. В том духе, как это понимали Достоевский и Данилевский. В проповеди 1921 г. перед уходом на покой владыка ярко сказал: «Ни один христианский народ не сделал столько для храмов Божьих, сколько сделал народ русский, позже всех призванный ко Христу. Свойства сердца русского народа, которого я не могу не знать, как много лет епископствовавший среди него, делают для меня совершенно ясно его будущее. Оставляя совершенно мир и стоя перед вратами самой смерти, я сохраняю глубокую веру в светлое будущее русского народа, остаюсь с непоколебимой надеждой,

что народ русский будет великим могущественным государством, останется Божиим наследием...» (ГАРК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 32. Л. 16.). Зная, что большевики также ратовали за народную власть, говорили о светлом будущем народа, но по-другому понимали «народное дело», нельзя не задуматься о переменах, которые стали происходить в стране с середины 1930-х годов и далее. Характер этих перемен показывает, что И. В. Сталин в трудное для страны время, предшествующее Великой Отечественной войне, сознательно идет на сближение со славянофильской идейностью, включив ее в актив советской идеологии как научный метод, позволяющий работать в гуманитарной сфере в традиционном ключе, с минимумом использования партийной идейности (Кириченко 2022). Кто знает, почему это произошло, кто подтолкнул генерального секретаря ВКП(б) к обращению к славянофильству. Пока не будут найдены конкретные документы, возможны лишь предположения, поэтому высажем нашу гипотезу: на вождя СССР прямо или косвенно могли влиять и яркие патриотичные, славянофильские идеи архиепископа Димитрия (Абашидзе), которые тот выражал со всей необыкновенной силой искренности. Многие исследователи допускают сам факт поддержки Сталиным архиепископа Димитрия. В книге известного исследователя протодиакона Василия Марущака приведен рассказ поэтессы Надежды Павлович (всегда отличавшейся точностью и надежностью озвученных ею сведений). Ее подруга, будучи в Киеве и общаясь со старцем Димитрием (в схиме Антонием), услышала от него такие сведения об этом: «Все очень просто, Сталин – мой бывший иподьякон. Когда его исключили за революционную деятельность из семинарии и посадили в тюрьму, я помогал его матери и посыпал ему посылки. Когда он пришел к власти, то приказал найти меня, написал мне письмо, в котором говорилось: “Моя рука будет над тобою, в каком городе ты хочешь жить и где хочешь, чтобы тебя похоронили?”. Я выбрал Киев и просил похоронить, когда умру, в Киево-Печерской лавре. Чека лично доносит властям о состоянии моего здоровья, не только не трогает, но и охраняет» (Марущак 2006: 189–190). Не думаем, что за годы «наблюдений» за архиепископом вождь ни разу не познакомился с гомилетическим наследием владыки Димитрия, учитывая его обычную манеру знать максимально все о предмете своего внимания. Конечно, тот разворот, который Сталин делает в середине 1930-х годов, явление многосложное, и славянофильство в советском изводе было только частью его, и святитель Димитрий не мог быть его главной причиной, но он мог повлиять своей яркой, искренней прорусской, славянофильской, цивилизационной позицией на

воззрения вождя в это время перехода от партийного космополитизма к варианту, близкому к славянофильству, как его понимал Н. Я. Данилевский. Это очевидно. И если посмотреть на начало этой истории, какой бы она ни была в своих отдельных деталях, касающихся помощи святителя молодому Сталину-Джугашвили в пору его учебы в Тифлисской духовной семинарии, то мы обнаруживаем здесь те самые искренние нотки в поведении будущего святого. Он помогает семинаристу, посаженному в карцер, или же он сам прячет революционные книги, чтобы семинариста не наказали. По-разному сегодня звучат эти истории, и где здесь истина, неизвестно. Но за каждой историей все же стоит нечто общее – фигура соболезнующего инспектора, проявляющего человеческое участие к «ближнему» в евангельском понимании этого слова. Главное, что все время оказывается в основе того или иного сюжета, – это духовная искренность святителя.

Святителя Димитрия (Абашидзе) легко назвать исторической личностью, поскольку его жизнь была сопряжена с известнейшими событиями и «историческими людьми». И все же его участие в историческом процессе не было случайным, оно носило сознательный характер, поскольку он позиционировал себя как «евангельский персонаж» (понимал ли сам он этот факт или нет, нам неизвестно), и это обстоятельство давало ему ключ к большой истории. А его пророческое дерзновение, вера в Промысел Божий, его глубокое богословие («мудрость не от мира сего»), его детская святая и живая вера – все это в целом делало святителя Димитрия активным участником исторических событий, защитником Церкви. Это же и хранило его от многочисленных опасностей, явных и тайных. Мы старались показать, какой многогранной могла быть духовная искренность, как много она позволяла сделать доброго для Церкви и России (в то время как противоположные ей антидобротели – фарисейство и законничество – стали основой для самого страшного богооборчества в истории человечества). Исторический путь архипастырской деятельности святителя Димитрия – это *евангельский* путь христианина, доступный немногим, но равноценный «тесному пути» в другой аскетической парадигме – телесной аскетике и молитвенном делании. Эта особая аскетика оказалась востребованной в трагические годы, потому что за ней стояла евангельская простота и короткий путь к сердцам людей, когда у многих не было времени на раздумья, не было сил жить обычной церковной жизнью. И пример святителя Димитрия показателен тем, что эта аскетика помогала решать не только частные и обыденные церковные, но и великие, исторические задачи.

Примечания

¹ Стоит, наверное, подумать и об определенном влиянии епископа Трифона (Туркестанова) на святителя Димитрия (Абашидзе). Нет прямых свидетельств, указывающих на такое влияние. Однако вспомним, что святитель Трифон еще до архиерейства, с 1889 по 1891 г., был в Грузии инспектором Александровской духовной семинарии, в которой святитель Димитрий спустя десять лет позже станет ректором. Епископ Трифон по происхождению из грузин, князь, как и святитель Димитрий. Их отличало отношение к монархизму: святитель Трифон по мировоззрению был монархистом, а святитель Димитрий все-таки, как славянофил, служителем «народнической» идеи. Поэтому, если святитель Димитрий и учитывал тот факт, что епископ Трифон стал военным священником (думаем, что учитывал и руководствовался им), то поступок его имел несколько иную мотивацию.

Источники и материалы

Архимандрит Димитрий 1900 – Архимандрит Димитрий. Слово, произнесенное 23 января 1900 года в церкви Тифлисской духовной семинарии бывшим инспектором ее, ректором Александровской миссионерской духовной семинарии, архимандритом Димитрием, по окончании вечернего Богослужения перед прощанием с воспитанниками // Прибавление к Духовному вестнику Грузинского Экзархата. 1900. № 5. С. 1–5. ГАРК – Государственный архив Республики Крым.

Монтень 1979 – Монтень М. Опыты. В 3-х томах. М.: Наука, 1979. Т. I. С. 11–14.

Памяти В. Ф. Комиссаржевской 1910 – Памяти В. Ф. Комиссаржевской // Саратовский духовный вестник. 1910. № 19. С. 10–11.

Прощание 1906 – Прощание Преосвященного Димитрия, бывшего епископа Балтского, с каменчанами и отъезд его на место нового своего служения в г. Ташкент // Православная Подолия. 1906. № 2. С. 146–153.

Слово Преосвященного Димитрия 1914 – Слово Преосвященного Димитрия, Епископа Таврического, сказанное во время совершения чина погребения над почившим Высокопреосвященным Стефаном, Архиепископом Курским и Обоянским // Курские епархиальные ведомости. 1914. № 29–30. С. 612–618.

Научная литература

Кириченко О. В. Советские этнографы-славянофилы: В. А. Александров, М. М. Громыко, И. В. Власова // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. Коллективная монография / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков и др.; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 366–435.

Митрополит Владимир (Иким), Ташкентский и Среднеазиатский. Жизнеописание схиархиепископа Антония (Абашидзе) // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 11. С. 80–96.

Протодиакон Василий Марущак. Архиепископ Димитрий, в схиме Антоний (Абашидзе). Жизнеописание. Слова, возвзвания и письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.

Протоиерей Николай Доненко. Ялта – город веселья и смерти. Симферополь, 2018.

Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020.

Рылкова Л. П. Схиархиепископ Антоний (в монашестве Димитрий; в миру Давид Ильич Абашидзе) // Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за веру в 20 столетии. Киев: Феникс, 2008.

References

- Kirichenko, O. V. 2022. Sovetskije etnografy-slavyanofily: V. A. Aleksandrov, M. M. Gromyko, I. V. Vlasova [Soviet ethnographers-Slavophiles: V. A. Alexandrov, M. M. Gromyko, I. V. Vlasova]. In *Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki. Kollektivnaya monografiya* [Soviet ethnography in the history of state building and national politics. Collective monograph], ed. by M. Yu. Martynova, 366–435. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
- Vladimir (Ikim), Metropolitan of Tashkent and Central Asia. 2003. Zhizneopisanie skhiarkhiepiskopa Antoniya (Abashidze) [Biography of Schema-Archbishop Anthony (Abashidze)]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* 11: 80–96.
- Protodeacon Vasilii Marushchak. 2006. *Arkhiepiskop Dimitrii, v skhime Antonii (Abashidze). Zhizneopisanie. Slova, vozzvaniya i pisma* [Archbishop Dimitri, in schema Anthony (Abashidze). Biography. Words, appeals and letters]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra.
- Archpriest Nikolai Donenko. 2018. *Yalta – gorod vesel'ya i smerti* [Yalta – the city of fun and death]. Simferopol.
- Puchenkov, A. S. and V. V. Kalinovskii. 2020. *Dukhovnyi forpost Rossii: pravoslavnoe dukhovenstvo Kryma v 1914–1920 godakh*.

1920 godakh [Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of Crimea in 1914–1920]. Saint Petersburg: Vladimir Dal.

Rylkova L. P. 2008. Skhiarkhiepiskop Antonii (v monashestve Dimitrii; v miru David Il'ich Abashidze) [Schema-Archbishop Anthony (in monastic life Dimitri; in the world David Ilyich Abashidze)]. In *Biograficheskie svedeniya o bratii Kievo-Pecherskoi Lavry, postradavshei za veru v 20 stoletii* [Biographical information about the brethren of the Kiev Pechersk Lavra, who suffered for their faith in the 20th century]. Kiev: Feniks.

PERSONAL QUALITIES OF ST. DEMITRY (ABASHIDZE) IN THE CONTEXT OF THE TIME OF PRE-REVOLUTIONARY AND REVOLUTIONARY RUSSIA

Abstract. The article is dedicated to the famous figure of the Russian Orthodox Church of the 20th century, now glorified, Saint Demetrios (Abashidze). We are talking about some of the features of his personality, spiritual qualities that allowed him to act as a bishop, largely freely and fruitfully for the Church and flock, and also to avoid the dangers and temptations of the difficult time on the eve of the revolution of 1917 and after it. We unite these personal qualities, opposite to legalism and pharisaism, into one whole under the name “spiritual sincerity.” The article shows that thanks to spiritual sincerity, as an evangelical model and ideal, Saint Demetrios achieved amazing results at all levels of his hierachal service: in uniting his flock on the basis of strict church service, in resolving the most difficult national problems at different times, in successfully fulfilling the mission, in historical relevance, in that he was able to serve the Church and the country in the most difficult and difficult years in terms of his trials.

Keywords: Saint Demetrios (Abashidze), personality of the archpastor, spiritual and moral sincerity, pre-revolutionary and revolutionary times.

Author Info: Gozkalyuk, Dimitry – Archpriest, graduate student of the All-Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Saints Cyril and Methodius, acting. Rector of the Tauride Theological Seminary of the Simferopol and Crimean Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow, Russian Federation).

E-mail: gotdd@mail.ru

For citation: Archpriest Dimitry Gotskalyuk. 2023. Personal qualities of St. Demetrios (Abashidze) in the context of the time of pre-revolutionary and revolutionary Russia // *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 35: 11–20

